

Алисия Небесная

ДЕРЗКАЯ ДЛЯ
ДИКОГО АЛЬФЫ

18+

Алисия Небесная

Дерзкая для дикого альфы

«Автор»

2026

Небесная А.

Дерзкая для дикого альфы / А. Небесная — «Автор», 2026

Я голос обрывается. Отступаю назад и упираюсь в стену. Холод ободка рамы единственное, что удерживает меня в реальности. Мужчина в дверном проёме воплощает силу и власть. Его силуэт играет светом и тенью. Расстёгнутая рубашка обнажает широкую грудь и мощные плечи. Он не делает резких движений. Я не буду, шепчу, вжимаясь в стену. Он усмехается и медленно приближается. В его движениях нет спешки. Он уверен, что я всё равно не устою. Ты, видимо, не поняла, его ладонь ложится рядом с моим лицом, заставляя меня вздрогнуть. В какую игру ты играешь, подписав контракт с моим клубом? Это не значит, что я. Это значит всё, перебивает он, давя голосом. Даже если тебя не купили, ты работаешь на меня. Правила просты: зашла сюда плати собой. Он наклоняется ближе, и его дыхание обжигает мою шею. От него пахнет опасностью, алкоголем и властью.

© Небесная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Александра	5
Глава 2. Максим	8
Глава 3. Александра	11
Глава 4. Максим	13
Глава 5 Александра	16
Глава 6. Максим	18
Глава 7 Александра	21
Глава 8 Максим	23
Глава 9. Александра	25
Глава 10 Максим	27
Глава 11 Александра	29
Глава 12 Максим	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алисия Небесная

Дерзкая для дикого альфы

Глава 1. Александра

Сердце бьётся слишком быстро, тяжёлыми, рваными толчками ударяя в рёбра, будто отчаянно ищет выход из грудной клетки. Я стою за кулисами, у самого края сцены – ещё не объявленная, но уже фактически отданная на растерзание этой толпе. Назад пути нет. Каждый шаг назад – это предательство, на которое я не имею права.

Перед глазами всплывает лицо сестры. Больничная бледность, почти прозрачная кожа, синеватые вены под капельницами и этот бесконечный, выматывающий писк мониторов в реанимации. Этого воспоминания достаточно, чтобы я оставалась здесь, даже когда всё моё нутро воет от ужаса. Я – её единственный шанс. Моя чистота, мой статус омеги – это просто валюта, на которую я должна купить ей жизнь.

Запахи накрывают сразу, едва я подхожу ближе к занавесу: дорогие духи, перегар, едкий дым дорогих сигар и феромоны – тяжёлые, липкие, пропитанные похотью и азартом. Воздух в «Бездне» кажется густым, как патока, его физически трудно вдыхать. Красный свет прожекторов заливают зал, делая лица зрителей размытыми пятнами, а тени на стенах – хищными и неестественно длинными. Мужчины лениво крутят бокалы, рассматривая сцену так, словно выбирают племенную кобылу. Женщины здесь – лишь фон, аксессуар для своих Альф. Я – следующий лот.

Пальцы дрожат так сильно, что я впиваюсь ногтями в ладони, пытаюсь удержать себя в руках. Омега. Невинная. Идеальная приманка для тех, кто привык брать от жизни всё. Воздух вокруг густеет, давит на плечи. Мне кажется, что я уже чувствую на себе их взгляды, хотя занавес ещё закрыт.

«Ради неё. Только ради неё», – повторяю я про себя, как мантру. Этого короткого предложения хватает, чтобы ноги не подкосились, чтобы я не развернулась и не сбежала в темноту служебных коридоров.

– Следующий лот, – голос аукциониста Артура ровный, бесстрастный, профессионально-холодный. В нём нет ни капли участия, только коммерческий интерес.

Зал будто сжимается, тени начинают двигаться в такт его словам. Занавес медленно ползет вверх, и я ослеплена ярким светом. На мгновение мир исчезает, превращаясь в белое пятно, но затем зрение возвращается, и я вижу их – сотни глаз, полных жажды.

И именно в этот момент я чувствую его.

Это не просто взгляд – это физическое давление, ледяная волна, прокатившаяся по позвоночнику. В дальнем углу, в густой тени, сидит мужчина. Он спокоен до наглости, его поза расслаблена, но от него исходит такая мощь, что воздух вокруг него кажется застывшим. Его присутствие расползается по залу, цепляя мою кожу колючей прохладой. Альфа. Но не один из тех, кто пришел сюда за дешевым шоу. Такой приходит ради выбора. Глаз я ещё не вижу, но знаю точно: он уже остановился на мне. Его внимание – это капкан, который захлопнулся на моей шее.

– Омега на одну ночь. Невинна. Полный пакет прав на двенадцать часов. Старт – сто тысяч! – выкрикивает Артур.

Воздух внутри меня будто хрустит. Чужие взгляды ощупывают моё тело, бесцеремонно скользят по бедрам, задерживаются на груди. Я чувствую себя грязной ещё до того, как ко мне кто-то прикоснулся.

– Сто двадцать! – выкрикивает кто-то из первого ряда. – Сто пятьдесят! – доносится грубый голос справа.

Ставки взлетают вверх, как будто я – редкий антиквариат, товар, который выгодно приобрести для коллекции. Я стою, не в силах пошевелиться, ощущая, как ступни будто приросли к полированному дереву подиума.

А он молчит. Тот, в тени. Ждёт. Наблюдает, позволяя другим шуметь и разбрасываться цифрами. И вдруг мне становится ясно: его слово решит всё. Он не из тех, кто соревнуется с толпой. Он просто берёт то, что считает своим.

Гул голосов давит на уши, виски пульсируют от прилива крови.

– Триста. Девушка – моя, – хриплый, ленивый, вибрирующий властью голос разрывает тишину зала.

Я вздрагиваю всем телом. Голос не просто громкий – он доминирующий, он заставляет других замолчать на инстинктивном уровне. Кто он? Кто осмелился предложить такую баснословную сумму разом? И почему от его слов мне становится холоднее, чем от самого факта аукциона?

Я надеялась, что торги будут долгими, что я смогу утонуть в толпе, стать лишь одной из многих. Но триста тысяч – это не ставка. Это клеймо.

– Триста тысяч – раз. Триста тысяч – два... – Артур делает паузу, явно наслаждаясь эффектом. – Продано господину с номером восемьдесят восемь!

Шум зала взлетает волной возмущения и удивления, но быстро оседает, будто кто-то одним властным движением убрал звук. Меня продали. Чётко. Без лишних слов. Как будто у меня никогда и не было права голоса – только цена, которую он оплатил, не глядя.

Меня уводят со сцены быстро, почти грубо. Ноги подкашиваются, я едва не падаю, но охранники держат меня под локти, не давая ни шанса на заминку. В ушах всё ещё звенит его «триста» – ленивое, уверенное, не терпящее возражений.

В коридоре меня перехватывает Стас, админ клуба. Его пальцы холодные, хватка за запястье цепкая и профессиональная. Взгляд пустой: для него я сейчас не человек, а позиция в списке, которую нужно доставить по адресу.

Он накидывает на моё запястье ярко-красную атласную ленту. Один резкий узел, и жесткая ткань впивается в кожу. – Чтобы никто в зале не решил, что ты всё ещё свободна, – бросает он ровно, поправляя узел. Я пытаюсь вздохнуть, но воздух упирается в горло комком. Лента жжёт, хочется сорвать её, спрятать позор, но пальцы не слушаются.

– Главный зал. Второй этаж. Комната пятьдесят. Запомнила? – Стас заглядывает мне в глаза. – Да... – шепчу я, едва узнавая собственный голос. Он склоняется чуть ближе, и я чувствую от него запах металла и табака. – Не ошибайся, Александра. Твой покупатель не любит ждать. И он не из тех, кому стоит перечить.

Слова падают, как тяжелые камни. Красная лента на руке теперь кажется настоящими кандалами: тяжёлая, она будто пульсирует в такт моему испуганному сердцу.

Меня ведут сквозь толпу гостей, направляющихся к бару. Люди скользят взглядами по моему запястью, задерживаются на красном цвете. Символ. Клеймо. Предупреждение всем остальным Альфам: эта добыча уже помечена вожаком. Каждый шаг дается с трудом. Я иду к тому, кто купил меня. К тому, кто уже решил мою судьбу на эту ночь.

Комната номер пятьдесят находится на самом отшибе коридора. Дверь открывается бесшумно. Внутри – приглушённый свет, дрожащий золотыми бликами по тяжёлым обоям. Огромная кровать, тёмный шёлк белья, слишком много пустоты и тишины. Сбоку – приоткрытая дверь в ванную, откуда тянет влагой.

Я замираю посреди комнаты. Сердце гремит в ушах, сбивая дыхание. Что мне делать? Раздеться? Ждать? Или попытаться исчезнуть в тени, слиться со стеной?

– Заходи, – голос доносится из полумрака угла. Низкий, глухой, лениво-хищный. Тот самый.

Я резко оборачиваюсь, но вижу лишь очертания кресла. Однако воздух в комнате уже изменился. Он потяжелел, пропитался его запахом: густым, тёплым, одуряюще мужским. Табак, дорогой алкоголь и чистая, концентрированная сила Альфы. Этот запах окутывает меня, стягивает горло, как невидимая петля.

Я делаю несмелый шаг вперед. Пальцы дрожат, задевая красную ленту на запястье. Ткань всё еще жжёт кожу, напоминая о том, что я – товар.

– Ближе, – приказ звучит спокойно, но моё тело подчиняется ему быстрее, чем разум успевает осознать опасность. – Я хочу видеть, что именно я сегодня купил.

Холод прокатывается по позвоночнику. Из тени медленно поднимается силуэт: широкие плечи, мощная грудь под дорогим пиджаком, расслабленное и оттого ещё более пугающее спокойствие. Максим Астахов. Человек, который не просто владеет этим клубом, а, кажется, владеет всем миром вокруг себя.

Он наклоняет голову, и я чувствую, как его взгляд медленно, почти осязаемо скользит по моему лицу, шее, плечам. Он проверяет покупку, явно наслаждаясь тем, как дрожат мои колени.

– Послушная девочка, – его голос глухой, горячий, и в этой обманчивой мягкости столько власти, что у меня темнеет в глазах. – Красивая.

Он делает полшага в мою сторону, и пространство вокруг нас мгновенно сжимается. Ещё шаг – ближе, жестче, так что я чувствую жар, исходящий от его тела.

– Моя девочка будет меня слушаться. Всегда. И начнем мы прямо сейчас.

Глава 2. Максим

Вечер в «Бездне» – обычный, как сотни до этого. Гул басов бьёт в стены, заставляя вибрировать саму сталь каркаса здания. Прожекторы режут полумрак ядовито-синими и кроваво-красными полосами, превращая толпу в единый, дергающийся в конвульсиях организм. Бармены пашут без пауз, выставляя на стойку батареи шотов; на танцполе мечутся тела: каждый здесь ищет добычу, даже если сам того не осознаёт. Девки визжат, стараясь перекрыть ритм, мужики оглядываются хищными, затуманенными взглядами, пожирая всё, что движется. Люди, оборотни – в этом угаре разница стирается. В моем зале они одинаковы: первобытные животные, едва прикрытые дорогими шмотками.

Я наблюдал за этим человеческим морем из своего кабинета на верхнем ярусе. Огромное стекло, тонированное в глухой чёрный, делало меня невидимым богом этой территории. Сверху видно каждую фальшивую улыбку, каждый жест вождения. Я всегда любил наблюдать – здесь маски осыпаются быстрее, чем пепел с дорогой сигары. Достаточен один бокал, пара правильных треков, и зверь, которого они так старательно прячут в офисах, вырывается наружу.

«Бездна» была моим детищем. Одним из немногих реальных активов, который я не просто купил, а выгрыз у конкурентов, заставив считаться с моим именем. Максим Астахов не берет подачек – он берет своё. И этот клуб был моим главным инструментом власти в этом городе. Давно понял простую истину: похоть сильнее любого другого инстинкта. Голод можно перетерпеть, жажду – утолить водой, страх – спрятать за бравадой. Но желание обладать, впитаться в чужую плоть, подчинить – это желание ломает даже самых сильных Альф. Ради одной ночи, ради тела, которое будет извиваться и стонать только для них, они готовы сливать состояния и рисковать репутацией. На этом первобытном топливе я и построил свою империю. И она работает без сбоев.

Все они, от лощенных бизнесменов до диких бродяг, хотят одного: почувствовать иллюзию абсолютной власти. Чтобы им подчинились. И я продаю им эту иллюзию. Она стоит дорого, но они платят с азартом, не понимая, что в этой игре настоящий охотник только один.

Сегодня всё должно было идти по накатанной схеме. Пока я не почувствовал её.

Запах просочился в кабинет, несмотря на мощную систему фильтрации. Он был тонким, но пронзительным, как лезвие, вошедшее под ребра. Чистый, тянущий, с нотками свежести и чего-то такого, что заставило моего волка внутри мгновенно поднять голову. Кровь вскипела, ударив в виски тяжелым молотом. Зверь рванул грудную клетку изнутри, требуя выпустить его, заставляя когти непроизвольно царапать кожаный подлокотник кресла. Этот аромат вырывает предохранители. Омега. Настоящая.

– Стас! – мой рык заставил музыку в коридоре за дверью будто бы стать тише.

Дверь распахнулась почти мгновенно. Стас не просто мой админ, он – лучший друг и бета моей стаи. Мы прошли через такое дерьмо, что лишние слова нам были не нужны. Он не обладал той удушающей агрессивной аурой, что у меня, но его холодный ум и волчья исполнительность не раз спасали мои активы. Он замер на пороге, пригнувшись. Бета сразу почуял, как воздух в кабинете наэлектризовался от моей ярости и осевшего на языке возбуждения.

– Что за новый лот? Кто она? – я не оборачивался, прикованный взглядом к кулисам сцены далеко внизу.

Стас подошел ближе, становясь плечом к плечу. В моем мире мало кому позволялось стоять так близко, когда я в бешенстве, но он был исключением.

– Александра, – произнес он, и я услышал, как он старается звучать по-деловому, хотя его собственный зверь тоже был в напряжении. – Привезли утром. Из «чистых», Макс. Документов почти нет, только биологическое подтверждение статуса омеги. Девственница.

Он сделал паузу, проверяя мою реакцию.

– Господа в зале уже на взводе, – продолжил Стас на «ты», как мы всегда общались вне чужих ушей. – Артур разослал анонсы по закрытым каналам. Стартовую цену выставили на сто тысяч, и, судя по тому, кто сегодня забронировал вип-ложи, они готовы грызться за неё до последнего рубля.

Я медленно встал. Каждое движение было наполнено опасной грацией хищника, почуявшего запах крови и тепла. Сто тысяч? Смешно. Стая гиен собралась торговаться за то, что уже принадлежит мне по праву территории. Эти псы в костюмах возомнили себя охотниками, но для меня они всегда останутся лишь падальщиками.

– Она не будет продана, – отчеканил я, направляясь к выходу и на ходу подхватывая пиджак.

– Макс, стой, – Стас преградил мне путь, не из наглости, а из верности. – Аукцион объявлен. Если мы просто выведем её через чёрный ход, репутация «Бездны» пойдет по швам. Клиенты не простят такого кидалова, а это один из твоих немногих живых активов. Не рискуй так из-за одной омеги.

Я посмотрел на него сверху вниз, позволяя зрачкам расшириться, заполняя радужку чернотой.

– Я заберу её так, что никто не посмеет даже дышать в её сторону, – я положил руку ему на плечо, слегка сжав пальцы. – Я сам спущусь в зал. Подготовь мой номер.

Стас коротко кивнул, понимая, что решение принято. Если Альфа почуял свою истинную добычу, бете остается только одно – обеспечить чистоту охоты.

Спускаясь по служебной лестнице, я кожей чувствовал, как меняется атмосфера. Чем ближе к залу, тем гуще становился запах Александры. Он манил, обещая такое наслаждение, от которого темнеет в глазах. Я не пошел в свою ложу. Мне хотелось быть в гуще, чувствовать, как эти кобели будут захлебываться слюной, прежде чем я раздавлю их надежды одной фразой.

Затерялся в тени у барной стойки, в самом углу, где свет прожекторов не доставал до лица. Взял номерок у распорядителя – обычная пластиковая карточка, которая сегодня станет смертным приговором для чьих-то амбиций. Бармен, бледнея, налил мне виски. Янтарная жидкость слегка подрагивала в стекле от басов, но моя рука была неподвижна.

Артур на сцене уже заканчивал прелюдию. Он был мастером слова, умело дергал за ниточки жадности и похоти. И вот, свет сошелся в одну точку.

Вывели её.

Александра. Имя подходило ей идеально – в нем было что-то благородное. Она стояла под прицелом сотен глаз, маленькая, хрупкая, но в её позе не было рабской покорности – только застывший, ледяной ужас. Я срывал с неё одежду взглядом, сантиметр за сантиметром. Я видел, как дрожат её ключицы, как рвется дыхание. Мой зверь внутри выл, требуя немедленно выскочить на сцену, прижать её к себе и перегрызть глотку любому, кто посмеет на неё посмотреть.

– Лот номер три! – провозгласил Артур. – Чистейшая омега. Редчайший бриллиант. Начальная цена – сто тысяч!

Зал взорвался. Ставки посыпались градом. – Сто десять! – Сто тридцать! – Сто пятьдесят! – донесся басовитый голос из вип-зоны.

Они галдели, как чайки над куском мяса. Я смаковал этот момент. Смаковал страх Александры, который теперь отчетливо мешался с её ароматом, делая его острым, почти болезненным. Она искала выхода, её глаза метались по залу, пока на мгновение не замерли на тени, где стоял я. Она не видела меня, но она *почувствовала* мое присутствие. Сила Альфы всегда находит цель.

Когда гомон достиг апогея на отметке в сто восемьдесят тысяч, я просто поднял руку.

– Триста. Она – моя.

Голос не был громким, но он обладал частотой рыка, который заставляет стаю замолчать и прижать хвосты. Музыка будто бы стала тише. Артур на сцене поперхнулся словами. В зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как льется пот по лицам несостоявшихся покупателей.

– Триста тысяч – раз... – голос Артура дрожал. – Триста тысяч – два... Продано господину под номером восемьдесят восемь!

Я не стал смотреть на реакцию толпы. Я поставил нетронутый бокал виски на стойку и направился к лестнице. Внутри всё вибрировало от предвкушения. Триста тысяч – ничтожная цена за право обладать этим запахом, этой кожей, этой душой.

Я знал, что сейчас происходит за кулисами. Как ей накидывают красную ленту, как её ведут в комнату пятьдесят. Мой клуб – это лабиринт, из которого нет выхода, если я того захочу. Стас проследит, чтобы никто не помешал нам. Бета знает – сегодня хозяин не в настроении делиться.

Зайдя в лифт, я поправил манжеты пиджака. В голове пульсировала одна единственная картина: как я вхожу в комнату, как закрывается замок, и как Александра понимает, что её мир теперь сузился до размеров моей ладони. Я сломаю её сопротивление не силой, а самой природой. Я заставлю её зверя признать моего вожаком.

И я её никогда, слышишь, никогда не отпущу. Александра Астахова – звучит как приговор. Для неё или для меня, я еще не решил.

Глава 3. Александра

Шагаю вперёд, и мир схлопывается до размеров этого мужчины. Выхода нет. Только он. Запах ударяет в голову раньше прикосновений. Горький, густой, он пропитывает лёгкие, как тяжёлый дым. Жжёт изнутри, плавит волю. Будто сахар, превращающийся в тёмную карамель – сладко, липко и невыносимо жарко. Этот аромат Альфы подавляет, заставляя мысли путаться.

– Какая же ты красивая игрушка, – его голос ленивый, вибрирующий, и от этого становится только страшнее. – Сегодняшний вечер будет интересным.

Он поднимается навстречу. Высокий, мощный, уверенный в каждом движении. Его рука перехватывает мою талию, дёргает ближе так резко, что у меня вырывается судорожный вдох. Натыкаюсь на его грудь – сильнее и тверже я ничего не чувствовала. Пальцы Максима сжимают меня так, что хрустит ткань платья. Это не объятия, это захват.

– Я не буду... – мой голос срывается, я пытаюсь отвернуться, но упираюсь затылком в его плечо.

– Ты будешь, – он отвечает без тени сомнения. В его глазах нет злости, только ледяная уверенность хозяина. – Потому что то, что принадлежит мне, я забираю. Всегда.

Он нависает так близко, что дыхание перехватывает. Его аура давит физически, выбивая почву из-под ног.

– Ты лот, Александра. Самый дорогой на этом аукционе.

Его пальцы скользят по моему подбородку, заставляя поднять лицо и смотреть прямо в его янтарные, хищные глаза.

– И я купил не возможность. Я купил право. На твою первую ночь. Полное и безраздельное.

– У меня есть... – я пытаюсь найти хоть какой-то аргумент, зацепиться за остатки контроля.

– Ничего у тебя нет, – перебивает он тихо, опасно. – Ни вариантов. Ни выхода. Ни голоса против меня.

Он стоит так близко и так нагло, что я чувствую жар, исходящий от его тела. Его присутствие вытесняет кислород, превращая пространство номера в мою персональную клетку.

– Альфа берёт то, что ему принадлежит, девочка.

В его интонациях нет ни тени сомнения. Никаких «можно?». Он просто констатирует факт. Максим склоняется ниже, и его горячий выдох скользит по моей коже, почти обжигая.

– А ты – моя по цене, которую никто не перебил.

Я зажмуриваюсь, но он не даёт спрятаться. Его нос скользит по моей шее, медленно, настойчиво, будто он впечатывает свой след в моё тело. Тянет за волосы, запрокидывает мою голову назад.

– Дрожишь? – его губы касаются мочки уха. – Правильно. Ты должна бояться. Страх делает тебя послушной.

Его свободная ладонь скользит по боку, нащупывает замок на спине. Один рывок – и платье распахивается, опадая к моим ногам. Пытаюсь прикрыться, но он перехватывает мои запястья одной рукой и заводит их мне за голову, прижимая к стене. Его сила такая будничная и абсолютная, что сопротивление кажется бессмысленным.

– Потрясающая, – хрипло бросает он, оглядывая меня.

Он наклоняется к шее. Острые зубы вонзаются в нежную кожу – короткий, собственный укус. Всхлипываю от внезапной боли, которая тут же сменяется тягучим жаром. Он зализывает след, будто метит территорию. Я дрожу, пока его ладонь блуждает по талии, обхватывает бёдра, напоминая: я – добыча.

– Не прячься, – шепчет властно. – Омега должна показывать себя вожаку.

Прикусываю губу, но он не ждет. Максим тянет меня к кровати, подталкивая к мягкому покрывалу. Я опускаюсь на шелк, чувствуя себя полностью безоружной. Он нависает сверху – тяжелый, неотвратимый.

Его ладони скользят по моим бокам, грубо цепляют край лифа и рвут застёжку. Ткань соскальзывает, обнажая грудь. Я дергаюсь, пытаюсь сжаться, но он тут же вжимает мои запястья в подушки.

– Я сказал – не прячься, – голос низкий, хриплый. – Ты создана для того, чтобы я смотрел. Чтобы я брал.

Он наклоняется ближе. Его язык касается соска – сначала дразнящий штрих, а затем жадный, требовательный захват. Выгибаюсь, чувствуя, как тело предает меня, отвечая на его грубость вспышкой острого наслаждения. Он впивается в меня сильнее, заставляя стонать.

– Вот так, – он на секунду отстраняется, обжигая влажную кожу дыханием. – Мне нравится твой голос. Пой для меня, Александра.

Он снова накрывает мою грудь ртом, а я мечусь под ним, теряясь в стыде и в том невыносимом жаре, который окончательно ломает мою волю.

Глава 4. Максим

Меня буквально ведёт от этой девчонки. Её запах бьёт в лёгкие, прожигает до самого нутра. Сладкий, тягучий, с примесью чего-то острого, как грозовой воздух перед бурей. Волк внутри сорвался с цепи, когтями рвёт изнутри, требует: «Забери. Сейчас. Не отдавай никому».

Привык держать себя в руках. Сотни раз видел омег на сцене, слышал их шёпот, видел, как они трясутся, когда цена за их тело растёт. Но эта – особенная. С первой секунды. Первый раз меня так накрыло, будто в вену вкололи яд.

Перебить ставку не составило труда. Деньги здесь решают всё, а у меня их достаточно. Молчал, пока Артур растягивал торги, пока кто-то вяло поднимал таблички, делая вид, что им есть дело. Но когда услышал «сто тысяч», я поднял руку и сказал:

– Триста.

В зале сразу стихло. Аукционист ухмыльнулся, объявил победителя – и всё было кончено. Девушка моя. Нужный человек уже ждал за кулисами. Он должен был сопроводить её туда, куда укажут. Она идёт только ко мне.

Я даже не стал ждать. Слишком хорошо знал, что будет дальше, если задержусь. Волк вырвется наружу, и тогда уже никто её со сцены не уведёт – я разорву любого, кто посмеет встать между нами.

Поднялся наверх, в один из люксов. Место для тех, кто умеет платить. Широкая кровать, приглушённый свет, стены, заглушающие любые крики – всё по делу.

Сел в кресло у окна, закурил. Виски жёг горло, но не тушил пожар внутри. Наоборот. Я ждал: откроется дверь – и она войдёт.

И вот она передо мной. Тело, которое сводит с ума одним видом. Нежная кожа, будто созданная для моих ладоней, блестит в мягком свете люстры. Каждое её движение – то провокация, то мольба. Сердце девчонки колотится так громко, что я почти слышу удары в своих висках.

Запах бьёт сильнее алкоголя, сильнее любого наркотика. Сносит весь контроль к чёрту. Вены пульсируют, зверь внутри рычит, ломая остатки сдержанности.

Желание захлёстывает так яростно, что дыхание сбивается. Хочется одним рывком сорвать с неё тонкое бельё, разорвать его в клочья и утонуть в податливом, горячем теле. Войти глубоко, жёстко, забрать её до последней капли, пока не забудет, как дышать.

От этой мысли штаны становятся невыносимо тесными. Ткань натянута, член требует свободы, и я знаю – долго себя не сдержу.

Она даже не догадывается, как близко подошла к тому, чтобы стать моей полностью.

Я резко прижимаюсь к ней, захватываю её подбородок и жадно целую. Никакой нежности – сразу глубоко и страстно, так что у неё перехватывает дух. Она тихо вскрикивает и пытается оттолкнуть меня, но её руки слишком слабы, чтобы оказать сопротивление.

Её губы дрожат, сжаты в упрямой попытке не впустить меня. Улыбаюсь ей в губы, слегка прикусываю, ощущая, как она вздрагивает от боли. Этого хватает – зубы разжимаются. Пользуюсь моментом, врываюсь языком внутрь, жёстко, настойчиво, пока она судорожно дышит, не зная, куда деть руки.

Пробует упираться, отводит голову в сторону, но я держу крепко. Каждое её движение только сильнее распаляет. Тело подо мной извивается, трётся о моё, и я рычу в её рот, чувствуя, как похоть ломает остатки контроля.

Губы её мягкие, сладкие, и от этого бешенство только сильнее: я хочу, чтобы она помнила, кому они принадлежат. Чтобы боялась и всё равно открывалась навстречу.

Она задыхается, шепчет что-то невнятное между поцелуями, но её голос тонет в моей жадности. А я знаю: ещё немного – и её робкие попытки сломаются. Девочка сдастся.

– Как тебя зовут, конфетка? – рычу ей прямо в ухо, проводя ладонью по спине и цепляясь за край белья.

– А... Александра, – выдыхает хрипло, губы дрожат, голос ломкий.

Усмехаюсь, прижимаюсь носом к её щеке, втягиваю аромат. – Что ж, Александра... – нарочно растягиваю каждую букву, будто пробую вкус её имени. – Заползай на кровать полностью.

Толкаю её вперёд, и она неловко двигается, старается не встретиться со мной взглядом. Колени вжимаются в мягкое покрывало, локти дрожат. Она ползёт, подчиняясь, и это зрелище будоражит хуже любого вина.

Бельё сползает с её плеч, обнажая белую кожу, и мне хочется сорвать остатки. Сладкая, робкая игрушка, которая сама лезет в мою клетку.

– Хорошая девочка, – шепчу, обхватывая её за талию, чтобы подтянуть ближе к центру.

– На спину, – командуя глухо, и девчонка сразу слушается. Резко, будто сама пугается своей покорности, заваливается на покрывало.

На ней почти ничего – тонкое бельё едва держится. Бледная кожа дрожит, глаза бегают, но тело уже подчинено.

Медленно расстёгиваю пару верхних пуговиц на белой рубашке. Ткань мягко расходится, открывая грудь и ключицы. Не спешу. Пусть смотрит, пусть понимает, кто перед ней. Чистая белизна рубашки на контрасте с моим телом всегда действовала безотказно.

Она кусает губу, не зная, куда деть взгляд. Но всё равно скользит по мне – по плечам, по сильным рукам, по брюкам, что сидят плотно и мешают.

Наклоняюсь, упираюсь ладонями по бокам её тела. Она резко всхлипывает, втягивая воздух, будто захлебнулась.

Передо мной картина, от которой кровь вскипает: хрупкая девчонка, раскинувшаяся на покрывале. На ней только бельё, да и то – лиф держится на одних крючках. Лямки соскользнули с плеч, а чашечки едва прикрывают грудь, больше дразнят, чем скрывают.

Я уже без рубашки, голый торс наклоняется к ней. Чувствую её дыхание, её дрожь. Тепло её кожи будто тянется ко мне, как магнит.

Мой взгляд скользит по ней – тонкая талия, светлая кожа, дыхание сбивчивое. Уязвимость и страх – идеальное сочетание. Неизвестно, кто из нас опаснее.

Всё в ней кричит о покорности, но глаза – другое. В них искра. Та, что всегда заводит сильнее любых вздохов.

Я делаю шаг вперед – и пространство взрывается напряжением. Запах, дыхание, дрожь. Мир сужается до одного мгновения, до грани, за которой нет возврата.

Резкий стук в дверь нарушает тишину.

– Что за зрень? – вырывается у меня сквозь зубы, когда оборачиваюсь.

Злость мгновенно захлёстывает. Внутри всё ещё пульсирует тот самый ритм – волчий, хищный.

– Не двигайся, – говорю я ей спокойно, но твёрдо. Голос звучит чуть ниже обычного.

Она застывает, будто осознаёт: спорить бесполезно.

Иду к двери. Каждый шаг отдаётся в висках. Кипит злость – кто бы ни стоял за порогом, он уже сделал большую ошибку.

Рывок – и дверь распахнута. На пороге стоит мой охранник, но лицо у него каменное, без обычной суеты.

– Макс, серьёзно, – выдыхает он низко, почти шёпотом. – Это не драка. Внизу менты. Говорят, у них ордер. По твоё имя.

Я замираю на секунду, а потом губы сами тянутся в усмешку. Вот оно что.

– Ты уверен? – голос мой ниже, опаснее.

– Они поднимаются, – отвечает он, отводя взгляд. – Никто кроме тебя этот вопрос не решит.

Внутри зверь рычит, когтями рвёт грудь изнутри. Я чувствую, как пульс срывается, но злость удерживает на месте.

– Придержите их, – рычу я. – Я сейчас выйду.

Хлопаю дверью так, что по коридору прокатывается гул. Оборачиваюсь. Александра всё ещё на кровати, растрёпанная, испуганная.

– Не вздумай убегать, – бросаю ей жёстко. – Вернусь – и продолжим.

Глава 5 Александра

Дверь за ним захлопнулась, и тишина обрушилась, словно меня заперли в вакууме. Лежала на месте, не в силах пошевелиться. Голова кружилась, мысли путались. Сердце билось так сильно, что казалось, вот-вот выскочит из груди.

Комната вдруг показалась чужой и слишком большой. Приглушённый свет только усиливал тревогу: каждая тень становилась подозрительной. Огромная кровать будто манила и одновременно пугала. Зеркало на стене, плотные шторы, тишина, которая звенела в ушах.

Втянула воздух – и сразу пожалела об этом. Пространство всё ещё пахло им. Пряный аромат обволакивал, жёг лёгкие, напоминал, что он был рядом. Что его руки только что касались меня. И от этого становилось ещё страшнее.

Сползла с кровати и поёжилась, холод пробежал по коже. Подошла к окну, раздвинула шторы и уставилась на ночь: море огней, блуждающие фары, далёкие силуэты домов – весь город казался спокойнее.

Сделала шаг к креслу – и запнулась. Ноги подгибались. Хотелось спрятаться, исчезнуть, стать невидимой. Но куда? За шторы? Под кровать? Глупо

«Что теперь?» – эта мысль крутилась, заполняя голову, заглушая рассудок.

Обняла себя руками, стараясь хоть как-то согреться, унять дрожь. В груди поднималась волна – смесь стыда, страха и непонимания. Я ведь знала, куда шла. Знала, что ждёт. Но одно дело – представлять. Совсем другое – оказаться здесь, внутри этой реальности.

Закрыла глаза и попыталась вдохнуть глубже. Но даже воздух напоминал о нём.

Каждый его жест – как короткое замыкание в голове: запах, тепло ладоней, уверенность в каждом движении – и мозг будто отказывается от обычных категорий «добро/зло».

Плечи сами напрягаются, дыхание учащается, мысли рвутся в разные стороны – убежать, сопротивляться, сдаться, закрыть глаза. Всё это одновременно.

Я пришла сюда с холодным расчётом. Финансовые вопросы, сестра и сделка. Всё предельно ясно.

Но он играет по своим правилам. Его законы рвут мои в клочья. Каждое его касание давит, напоминая: контроль легко сломать. Каждое слово прожигает: «Я решаю».

Тело не остаётся безучастным. Оно подчиняется, несмотря на свою гордость и упрямство. Когда он оказывается рядом, оно замирает.

Стыд. Вот что душит сильнее всего. Я сама сюда пришла. Сама выбрала этот путь. Согласилась обменять невинность на деньги. Ради сестры. Ради её шанса. Но внутри трещина: «Я делаю это ради неё» и «Почему я чувствую это сейчас?»

Это и есть настоящий кошмар. Разум кричит о договоре, о цифрах. А тело стремится к его власти.

Это не страсть и не страх. Это смесь, превращающаяся в яд. Вина, обида, злость – на себя, на него, на весь мир.

Мир сужается до его ладоней.

Я делаю вдох, силой наполняя лёгкие воздухом. Нельзя утонуть в этом. Нужно помнить, зачем я здесь. Счёт, сделка, деньги, сестра – всё это должно быть на первом месте.

Или бежать. Просто рвануть отсюда, не оглядываясь. Деньги? Да плевать. Найду работу в кафе, буду таскать подносы с утра до ночи, пахать так, что ноги будут подгибаться сами. Но совесть будет тише. Я смогу смотреть в глаза сестре и не чувствовать себя грязью.

Разум цепляется за этот вариант, как утопающий за спасательный круг. Вроде всё просто: работа, усталость, слёзы на кухне – но честно, по-своему чисто.

Но тело кричит об обратном. Стоит вспомнить его руки, тяжёлый голос – и внутри снова загорается огонь. Нервы дрожат, кожа будто ждёт нового прикосновения. Я ненавижу себя за это. Ненавижу то, что он так легко сбивает с пути, который я сама себе выбрала.

Когда я почти решаю уйти, щёлкает замок. Дверь открывается. Воздух замирает. Иллюзия свободы рушится. Он вернулся.

– Конфетка, а ты чего тут? – его взгляд прожигает насквозь, и по телу прокатывается волна жара.

Вскакиваю с кресла, ногам не слушаться, язык будто прилип к нёбу.

– Я... – голос тонет в горле. Делая шаг назад, упираюсь в стену; холод ободка рамы будто единственное, что ещё держит меня в реальности.

Мужчина, словно олицетворение силы и власти, стоит в дверном проёме. Его силуэт играет светом и тенью, а расстегнутая рубашка обнажает широкую грудь и мощные плечи. Он не совершает резких движений.

– Я не буду, – шиплю, вжимаясь в холодную стену.

Он усмехается, приближается медленно. Никакой спешки – он уверен, что я всё равно сорвусь.

– Ты, видимо, не поняла, – его ладонь ложится рядом с моим лицом, заставляя вздрогнуть. – В какую игру полезла, подписав контракт с моим клубом.

– Это не значит, что я...

– Это значит всё, – перебивает, давит голосом. – Даже если тебя не купили – ты работаешь на меня. Правила простые: зашла сюда – плати собой.

Он наклоняется ближе, дыхание жжёт шею. Пахнет опасностью, алкоголем и властью.

Его губы снова накрывают мои. Горячо, требовательно, так, что все мысли рвутся в клочья. Разум тонет, растворяется в этом хищном поцелуе. Я пытаюсь сохранить остатки контроля, но его язык проникают внутрь, нарушая все границы.

Он с лёгкостью подхватывает меня на руки. Мир качается, спина сталкивается с прохладным покрывалом кровати.

– Теперь не убежишь, конфетка, – шепчет в губы, и хрип в его голосе прожигает меня сильнее любых прикосновений.

Нависает надо мной, тяжёлый, горячий. Его рот скользит по коже: шея, ключицы, грудь. Поцелуи жадные, с нажимом, метки одна за другой.

Пальцы грубо стаскивают с меня остатки белья. Кажется, ещё миг – и скрываться больше нечем. Хватаюсь за его плечи, то ли пытаюсь остановить, то ли удержаться от падения в пропасть, в которую он уже тащит.

Его дыхание обжигает кожу, и в этом нет ни капли пощады. Каждый горячий выдох скользит по мне, лишая рассудка. Внутри всё сжимается от странного смешения страха и жара.

Глава 6. Максим

Чёртовы менты. Всегда знают, когда вылезти. Оторвать меня от конфетки – самая хреновая идея за этот вечер. Но если не решить сейчас, потом будет хуже.

Выпрямляюсь, застёгиваю брюки на ходу. Девчонка остаётся в номере, пусть сидит. Я вернусь. Обязательно вернусь.

Спускаюсь вниз, к барной стойке. Музыка гремит так, что окна вибрируют, свет ослепляет, люди кричат и поглощают страсть в больших количествах. И среди всего этого – белая ворона. Лейтенант в форме тяжело дышит, словно его сюда занесло случайно. Вид у него растерянный, глаза бегают. Такого разврата, похоже, ещё не видел.

Я иду к нему спокойно. Плечи расслаблены, но внутри сгущается тьма. Волк рычит. Он не забыл, что меня отвлекли.

– Что-то потерял, лейтенант? – бросаю хрипло, наклоняясь ближе. – Или просто решил посмотреть, как взрослые живут?

Его рука дёргается к кобуре. Глупо. Очень глупо.

Усмехаюсь, беру стакан с виски со стойки, делаю глоток. Не свожу глаз. Он знает, что я хозяин здесь. Знает, что без меня и шагу не сделает.

И всё равно пришёл.

– Поступила жалоба на распространение наркотиков, – лейтенант старается звучать твёрдо, как будто погоня автоматически даёт смысл словам. Погоня. Смешно. Он думает, что это ставит между нами дистанцию.

Не двинулся с места, лишь медленно опустил стакан на стойку. Зал замер в привычном ритме, музыка тянет низко, но голос офицера здесь – как треснувшая нота в симфонии.

– Жалоба? – повторяю, будто впервые слышу это слово. Подхожу ближе, не торопясь. Он делает шаг назад – полшага, полутон, и в его взгляде промелькнуло животное желание спасения. Лейтенант дрожит – не от холода, оттого что очутился слишком близко к тому, чего не в силах победить.

Он сжимает челюсть, пытается собрать себя. В его глазах горит недовольство, но пальцы дергаются у кобуры. Я его чувствую – как запах волн и пота, слабость под маской закона.

– Я скажу ещё раз, – он выдыхает, голос ровный, в нем слышится механическое подражание уверенности. – В заведении возможно хранение и оборот запрещённых веществ.

– Может быть. – Отвечаю медленно, будто предлагаю подумать. – А может, и нет. Всё зависит от того, что ты решишь увидеть, лейтенант.

Он отклоняется ещё больше, и теперь между нами лишь нет и сантиметра. Тянусь к стойке, касаюсь пачки банкнот и бросаю их на ладонь, чтобы услышать, как они шуршат. Деньги для меня – не просто средство обмена. Это символ обещания, обжигающее прикосновение и запах решимости.

– Сколько нужно? – спрашиваю тихо, ровно столько, чтобы только он слышал. – Столько, чтобы ты больше здесь не появлялся, а жена могла позволить себе какую-нибудь безделушку – серьги, сумочку... то, что поднимет ей настроение и заставит забыть, чем ты сегодня занимался.

На его лице мелькнули предательские и соблазнительные тени. Забавно наблюдать, как блюстителю закона колеблется между долгом и комфортом.

– Подумай хорошенько, – предупреждаю ледяным голосом. – В следующий раз, когда придёшь сюда по поводу жалоб, помни: есть вещи, которые нечем компенсировать. Тогда твой статус не спасёт тебя. Деньги тоже не помогут. Понимаешь меня?

Он бормочет, пытаясь успокоиться, но сделка уже витает в воздухе рисуя неплохие перспективы. Отодвигаюсь на шаг, беру телефон и делаю вид, что набираю номер. Звонить не собираюсь. Я предоставил ему выбор.

– Я ещё вернусь, – бросает лейтенант, оставляя пачку на стойке, будто последнее слово осталось за ним.

– Жаль, – отвечаю тихо, не глядя, но внутри уже ставлю точку. Он для меня закончил своё существование, растворился в музыке и дыме.

Пора возвращаться к своей конфетке. Чувствую её запах даже отсюда – пряный, тянущий, волнующий. Конечно, пока меня не было, успела навывдумывать. Девочки с такими глазами всегда думают, что у них есть выбор.

Но поставить её на место не составит труда. Контракт подписан. Три сотни тысяч – цена, которая её обяжет. И тогда у неё не останется ни шансов, ни иллюзий. Она будет там, где я захочу.

А значит – подо мной.

Стоило протянуть руки – и она уже в моих ладонях. Подхватил без усилия, будто куклу. Шаг – и её спина ударилась о прохладное покрывало. Кровать приняла, а я – навис сверху.

– Теперь не убежишь, конфетка, – шепчу прямо в губы, и слышу, как у неё перехватывает дыхание. В моём голосе хрип – жёсткий, прожигающий, не оставляющий сомнений, кому она принадлежит.

Жадно вбираю её запах. Страх и что-то глубже. Это то, ради чего я живу – видеть, как дрожь смешивается с жаром. Как тело предаёт разум.

Мои губы скользят по её коже: шея, ключицы, грудь. Не целую – ставлю метки, оставляю следы, чтобы потом она смотрела в зеркало и знала: я был здесь. Каждый укус – мой знак.

Её белёз держится на честном слове. Пальцы рвут ткань, и вот – больше нечем прикрыться. Она хватается за мои плечи, слабо, неуверенно.

Чувствую, как её сердце колотится под пальцами. Как вены гудят от ужаса и желания. Я давя сильнее, прижимаю бедром, чтобы не дёргалась.

– Тише, – рычу низко, наклоняясь к её уху. – Ты знала, на что идёшь. Теперь это моя игра. И правила здесь просты: я беру то, что хочу.

Вдыхаю её запах снова, и зверь внутри ухмыляется. Девочка уже в клетке. И из этой клетки выхода нет. Огромных усилий стоит не сорваться и не взять её грубо, как последнюю суку.

Девочка девственница – значит, придётся быть нежнее. Но внутри меня зверь рвётся, когти царапают изнутри.

Я скольжу ладонью по её телу медленно, намеренно, наслаждаясь её дрожью. Она зажмуривает глаза, кусает губу, но оттолкнуть не пытается.

– Тише, конфетка, – цежу, нависая над ней. – Я буду максимально нежным.

Её дыхание сбивается, грудь вздымается чаще. Двигаюсь ниже к её самому сокровенному месту, медленно, будто дразню не только её, но и самого себя.

Зверь внутри воет, требуя забрать всё сразу, но я держусь. Я хочу услышать, как она сорвётся первая.

Касаюсь её нежной кожи, медленно проводя пальцами по складкам, словно рисуя круги. Я чувствую, как она становится влажной, и постепенно проникаю внутрь. Её горячее и тесное лоно встречает меня, и я ощущаю сильный аромат, который начинает кружить мне голову.

Вжимаю пальцы глубже, чувствую, как она дёргается и стон вырывается сам.

– Александра... слышишь? – рычу прямо в ухо, пальцами разрывая её сопротивление. – Ты вся мокрая для меня.

Она хватается за простыню, выгибается, но я прижимаю её сильнее, не даю уйти.

– Запомни: это не ты решаешь, чего хочешь. Это я решаю. И твоё тело уже выбрало меня.

Пара быстрых движений – и девчонка ломается. Её стон рвёт воздух, глаза расширены, дыхание сбивается в хрип. Она дрожит, как пойманный зверёк, но при этом подаётся навстречу.

Хищно улыбаюсь, чувствуя, как внутри всё сжимается от желания добить её окончательно.

Рывком стаскиваю с себя брюки вместе с бельём, освобождаясь. Давление спадает, но вместе с ним приходит только большее голодное безумие.

– Смотри на меня, Александра, – приказываю, обхватывая её лицо ладонью. – Запоминай, кто довёл тебя до этого. Кто сделал так, что ты сама стонешь, как шлюшка, жаждущая ещё.

Она шепчет что-то неразборчивое, задыхаясь, а я наклоняюсь к её губам, обжигая дыханием:

– Теперь я возьму всё. И ты примешь.

Глава 7 Александра

Сбежать – это казалось самым простым решением. Просто подняться, уйти, забыть. Но я ошиблась. Мне не дадут. Какая бы дверь ни открылась, какие бы шаги я ни сделала – он всё равно вернёт меня назад. Его взгляд, его хватка, его власть сильнее любого замка и любого выхода.

И я это чувствую каждой клеткой, пока он нависает надо мной.

Его аромат накрывает, будто плотный туман, заполняет лёгкие, смешивается с моим дыханием. От него кружится голова, кожа становится слишком чувствительной. Я хочу отвернуться – и не могу. Этот запах приковывает, как кандалы.

Спираль внутри закручивается всё сильнее.

Страх, стыд, напряжение – и ещё что-то, от чего хочется заорать. Как будто тело умоляет о разрядке, а разум отталкивает, сопротивляется.

А его пальцы...

Они двигаются так, что всё во мне срывается с цепи. Я хватаюсь за простыню, ногти царапают ткань, но это не спасает. Каждое его движение – слишком точно, слишком уверенно. Он знает, куда прижать, как провести, чтобы я дрожала, чтобы дыхание сбивалось, чтобы всё внутри горело.

– Нет... – срывается с губ, но голос предательски слабый, больше похожий на стон.

Он слышит. Чувствует. И это только сильнее раззадоривает. Понимаю – меня держит не только его сила.

Волна захлёстывает – страх, стыд, остатки воли рушатся в один миг. Его ладонь сжимает моё лицо, давит жёстко, сердце стучит так, что его слышат наверное во всем клубе.

Воздух жжёт.

– Смотри на меня, – рычит, поднимая мой подбородок. – Ты знала, куда идёшь, Александра.

Киваю, но дрожу вся. Щёки горят, дыхание сбивается. Его ладонь скользит по телу – уверенно, бескомпромиссно.

Я зажмуриваюсь.

– Не закрывайся, – шепчет прямо в губы. – Хочу видеть глаза, когда поймёшь, что ты моя.

Боль рвёт меня изнутри, первая, острая, и крик тонет в его жёстком поцелуе. Я бью его по плечам, ногти царапают кожу, но он только сильнее вжимает меня в матрас, лишая шансов на побег.

Его тело тяжёлое, горячее, каждое движение давит, подчиняет, заставляет принять. И вдруг он замирает, губами скользит по шее, ниже к ключицам и груди – и боль уступает место жару, который накрывает волной, вырывая из меня предательский стон.

– Тише, конфетка, – хрип его голоса сводит с ума. – Сейчас станет легче.

Он двигается медленно, выверенно. Моё тело откликается само, и даже когда я прикусываю губу до боли, сдержать звуки не удаётся – стоны всё равно срываются наружу.

Его пальцы снова сжимают мою челюсть, разворачивают лицо так, чтобы я смотрела только на него. Пытаюсь отвернуться, спрятаться, но янтарный взгляд прожигает насквозь, забирает воздух и силы, лишает даже мысли о сопротивлении.

– Расслабься, девочка, – усмехается, наклоняясь ближе, и целуют в шею, оставляя засос.

Фрикции становятся жёстче. Быстрее. Хватаюсь за его спину, ногти скользят по коже, но он только сильнее вжимает меня в матрас. Жар накрывает, растёт снежным комом. Стыд смешивается с удовольствием. Я уже не понимаю, где боль, а где тяга.

Он рычит прямо в ухо, каждое слово клеймо на коже, дыхание обжигает, пробирает до дрожи:

– Теперь ты моя. И ничего это не изменит.

Его тело напрягается, мышцы каменеют, и через миг горячая влага проливается на мою кожу, оставляя собственнический след, от которого никуда не деться.

Он уходит в душ, оставляя за собой запах и тягость своего присутствия. Шум воды гулко разносится по номеру, я сворачиваюсь в клубок, вцепляюсь пальцами в простыню, словно она может защитить. Слезы текут сами – то ли от боли, то ли от обиды, то ли от того странного жара, что никак не отпускает.

Минуты тянутся бесконечно, пока за дверью шумит вода. А потом всё стихает. Замираю, надеясь, что он останется там подольше.

Матрас прогибается – он вернулся. Тепло его тела снова накрывает, и пальцы скользят по моему бедру. Медленно, уверенно, как будто и не было этих минут, когда я надеялась, что он исчезнет.

– Не плачь, конфетка, – тихо бросает, и в голосе нет ни мягкости, ни грубости. Просто констатация, что мои слёзы ему не нужны.

Я выдыхаю, едва находя голос:

– Я могу уйти...

– Не сегодня, Александра, – голос звучит глухо, но твёрдо. – На тебе мой запах.

Его ладонь медленно скользит по моим ягодицам, не торопясь. Пальцы сжимают, но не так грубо, как раньше – в этом прикосновении есть что-то странное, почти бережное.

– Хватит мучить себя, конфетка, – наклоняется, и тёплое дыхание касается виска. – Ляг спокойно. Завтра решим все остальные вопросы.

Зажмуриваюсь, ожидая очередного рывка, боли, но он только поправляет сползшее покрывало, натягивает его на мои плечи. Его вес рядом ощутим, но на этот раз он не давит.

Он поднимается с кровати без спешки, движения тяжёлые, уверенные. Я слышу, как тихо скрипят пружины, как воздух меняется, когда его тепло уходит.

Тянется за брюками, застёгивает молнию, поправляет ремень. Белая рубашка мягко ложится на плечи, он медленно застёгивает пуговицы – одна за другой. Никакой суеты, будто у него полно времени.

Лежу под покрывалом, сжимаю ткань в кулаках, не зная, куда смотреть. На пол? В окно? На него? Но глаза сами находят его спину, широкую, сильную, и от этого становится ещё тяжелее дышать.

Он поворачивается, задерживает взгляд на мне, и уголок губ чуть приподнимается – не улыбка, а скорее насмешка.

– Меня зовут Максим, кстати, – говорит спокойно, будто между нами не было этой ночи, будто мы знакомимся впервые.

Глава 8 Максим

Александр у я оставил в номере. Она ннкуда не денется. После такой нчч, когда я бквалъно впечатал свою волю в её сознание, у девчонки не останется даже призрачных мыслей о побеге – я выжег их своим телом, своим ритмом, своим запахом. И всё же охрану оставил под дверь. Не люблю сюрпризы, особенно когда на кону стоит добыча, на которую мой волк уже поставил свою метку.

Спускаюсь в клуб. В это время «Бездна» напоминает издыхающего зверя: музыка пульсирует тише, но тяжелее, коридоры пропитаны застоявшимся алкоголем и шлейфом чужой, дешевой похоти. Всё это моё – эти стены, эти люди, этот ритм. Я выстроил систему, где каждая крыса знает своё место и боится поднять голову без команды. Если эта малышка решит дёрнуться, если хотя бы кончиками пальцев коснется ручки двери – мне доложат об этом раньше, чем она успеет сделать вдох.

Сажусь в машину. Водитель ловит мой взгляд в зеркале, коротко кивает и плавно трогается. Мы выезжаем из-под ядовитого неона клуба в холодную нччную Москву. Город в этот час – настоящая хищница: яркая, слепящая огнями, но с острыми, смертоносными зубами. Рекламные щиты мелькают мимо, окна пентхаусов горят холодным золотом. У каждого здесь своя игра, своя ложь и свои грязные сделки. Но в этой пищевой цепочке первым номером всегда иду я.

Поднимаюсь в свой пентхаус. Лифт скользит бесшумно, отсекая шум нижнего мира. Панорамные окна открывают вид, от которого у обычных людей кружится голова: мосты, развязки, сияющие башни конкурентов. Ниже – их суета, их мелкая возня за власть. Выше – только моя территория. Здесь даже воздух кажется другим: чище, холоднее, прозрачнее.

Сбрасываю пиджак прямо на кресло, не заботясь о порядке. Плескаю себе виски, лед с сухим стуком бьется о стекло. Первый глоток обжигает горло, но не дает желанного покоя. Внутри всё скручено в тугую, звенящую пружину. Мой волк должен быть сытым и ленивым после женщины. Обычно так и бывает: взял – отпустил, утолил голод и забыл лицо до следующего раза. Но не сегодня. Зверь притих, выжидает, скалится на любое воспоминание о ней.

С одной стороны – острое, почти болезненное желание снова вжаться в её податливое тело, разорвать остатки этой ненужной нежности, оставить на ней только свои метки, свой запах, самого себя. С другой – меня бесит, что я вообще думаю о какой-то девчонке после того, как она уже побывала подо мной. Простая арифметика контроля дала сбой.

Зверь точит зубы на самую мысль, что Александра может принадлежать кому-то ещё. Даже в теории. Даже если сама этого захочет. Чувствую этот невыносимый зуд под кожей: волк намертво вцепился в её аромат и уже не отпустит.

Подхожу к стеклу, смотрю вниз на мерцающие огни. Весь мир готов упасть к моим ногам, но меня греет только одна мысль: там, в клубном номере, под моей охраной, свернувшись клубочком, спит девчонка, которая даже не представляет, в какую ловушку она угодила.

Набираю Стаса. Он берёт трубку мгновенно, будто сидел и ждал моего звонка.

– Стас. Переведи ей триста тысяч. Прямо сейчас. И найди на неё всё. Кто такая, чем дышит, где училась, с кем спит. Мне нужно полное досье к утру. Каждая мелочь.

– Как скажешь, Макс, – голос беты звучит спокойно, без лишних вопросов.

Открываю ноутбук. Пытаюсь сосредоточиться на отчетах, листаю таблицы, графики, прогнозы. Но толку мало – цифры расплываются, не держатся в голове. Вместо стратегий поглощения снова вижу её глаза, слышу, как задыхается под моим напором, чувствуя, как она сжимается от страха и возбуждения. Читаю финансовую аналитику только ради вида, чтобы хоть как-то занять руки, которые всё ещё помнят шелк её кожи.

Через полчаса приходит сообщение: деньги ушли. Еще через тридцать минут – звонок от Стаса.

– Имя, возраст, адрес, – перечисляет он сухо, по-деловому. – Нашёл фото, старые контакты, паспортные данные. Вся папка уже у тебя на почте.

Открываю файл. Всё собрано идеально: анкеты, справки, выписки из реестров. На одном из снимков она смеется – запрокинув голову, открыто, искренне.

– Продолжай копать, – говорю тихо, не отрывая взгляда от экрана. – Мне нужно знать, что её сломало.

Глоток виски обжигает нутро. Теперь она в моём поле зрения. Каждое её движение, каждый вдох – теперь под моим надзором. Любой шаг в сторону – это уже не её выбор, это моя воля. Чёртова сладкая конфетка.

Простая, наивная – и именно этим пронзила меня насквозь, выбила из привычной колеи. Я видел сотни сук, которые первым делом тянулись к моему счету в банке. Они знали цену своим телам, но никогда не понимали ценности моей власти. Для них я был просто богатым альфой, возможностью урвать кусок пожирнее.

Омеги в моем мире – исчезающая редкость. Их с детства дрессируют: не поднимать глаз, не подходить, держаться в тени тех, кто сильнее. И они слушаются, превращаясь в удобные тени. А эта – подошла. Встретила мой взгляд. Осмелилась спорить. И этим, сама того не осознавая, подписала себе приговор.

Я таких не отпускаю. Не потому, что мне нужно еще одно тело в коллекцию трофеев. Нет. Ради этой её дерзости. Ради того, чтобы лично сорвать её покой, превратить робкие слова в отчаянный стон. Потому что такие, как она, ломаются громче, слаще и окончательнее остальных. Мой волк учуял её породу с первого шага. Под этой кроткой, обманчивой оболочкой спрятана настоящая волчица. Она молчит, сидит тихо, но её запах – сладкий, острый, настоящий – бьет по инстинктам наотмашь.

Зверь во мне беснуется, рвется наружу: выпусти, столкни нас лицом к лицу, дай сокрушить её сопротивление. Слишком долго держал его на цепи, гасил ярость, играл в цивилизацию. Пора заканчивать. Сегодня мне нужна эта добыча целиком.

Листаю досье дальше. Литературный факультет, красный диплом. Значит, не дура, не с улицы подобрана. Головой работать умеет, смыслы понимает. Что же тогда привело такую «чистую» девочку в «Бездну»? Она явно что-то скрывает, какую-то темную глубину, о которой не пишут в анкетах.

К утру на столе лежит полная картина. Сухие, бездушные строчки отчетов, от которых в кабинете становится мрачно. Младшая сестра. Алиса. Девять лет. Лейкемия. Это не просто плохие новости – это приговор. Такой диагноз выжигает семьи дотла, превращая жизнь в бесконечный ад. Теперь пазл сложился. Она вышла на сцену не ради блеска, а ради крови. Ради жизни, которая угасает в больничной палате.

Допиваю остывший кофе. Хватаю ключи. Выхожу из пентхауса, не оборачиваясь. Еду обратно в клуб и ловлю себя на постыдной мысли: надеюсь, она всё еще там. Не в деньгах дело – к черту деньги. Я хочу видеть её прямо сейчас. Хочу застать её сонной, настоящей, с запутавшимися волосами и покрасневшими от слез глазами.

Хочу видеть её за завтраком, заставить сидеть напротив и смотреть, как она будет мучиться, не зная, куда деть свои руки. Хочу окончательно сломить её иллюзию выбора. Понять, осознает ли она, что любая дорога назад для неё теперь отрезана навсегда? Что она связалась с тем, чье имя заставляет людей замолчать.

А я... я сам не до конца понимаю, откуда в груди этот жар. Но тянет к ней так, как не тянуло ни к одной женщине годами. Мы перешли черту. Она – моя.

Глава 9. Александра

Я не помню, как уснула. После того как Максим ушёл, я ещё долго сидела в кресле, глядя на огни города. Они сияли безучастно, будто там, за стеклом, жизнь текла своим чередом, а мой мир только что разлетелся вдребезги. Пыталась убедить себя: я не совершила преступления, всего лишь закрыла сделку своим телом. Но внутри всё выворачивало от чувства предательства – не сестры, а самой себя.

В душе стояла под горячими струями до тех пор, пока кожа не запылала. Натирала плечи до боли, тщетно пытаюсь смыть то, что впиталось слишком глубоко.

Потом завернулась в одеяло, натянув его до подбородка, словно этот кокон мог меня защитить. Экран телефона мигнул: уведомление о зачислении. Баснословная цифра. Цена жизни Алисы. С этой мыслью я и провалилась в тяжёлое забытие.

Во сне я бежала по тёмному переулку. Асфальт лоснился от влаги, фонари мигали, а за спиной слышались шаги – сначала размеренные, затем всё более быстрые. Я ускорялась, сердце билось в самых висках. Споткнулась, упала, обдирая ладони о шершавый бетон.

– Я поймал тебя, – шёпот заполнил всё пространство вокруг.

Из тени вышел чёрный волк. Его глаза светились янтарём, зубы лязгнули, обещая скорую расправу. Он сокращал расстояние, и я обмерла, чувствуя, как невидимая петля затягивается на горле. Тело не слушалось. Только леденящее бессилие.

– Ты моя, – рыкнул зверь, и тьма обрушилась сверху.

– Нет! – я вырвалась из кошмара с криком.

Резко распахнула глаза и поняла: ужас не закончился. Максим сидел на краю кровати. Его ладонь тяжёлым клеймом лежала на моём плече. Янтарный взгляд прожигал насквозь – так же, как во сне.

– Довольно. Проснись, конфетка, – голос был низким, хриплым.

Я судорожно глотнула воздух. Окно было приоткрыто, из сада тянуло дождём и прохладой, но этот свежий запах мерк перед его ароматом.

– Отпустите, – выдохнула я, пытаюсь отодвинуться, но его пальцы лишь плотнее обхватили моё плечо.

– Кошмары мучают? – он насмешливо выгнул бровь, изучая моё лицо с пугающей внимательностью.

– Только сегодня, – я буркнула и попыталась спрятаться под одеялом.

– Александра, – он потянул моё имя, пробуя его на вкус. – Поздно играть в прятки. Я видел тебя всю.

Лицо опалило жаром позора. Максим встал, взял с приставного столика поднос и поставил его передо мной. Запах поджаренного бекона и латте казался здесь неуместным, почти издевательским.

– Завтракай. У меня на тебя большие планы.

– Зачем вы здесь? – я рискнула взглянуть на него. Резкие, словно высеченные из гранита черты лица, жёсткая щетина – в этом человеке не было ничего мягкого, даже когда он предлагал еду.

– Решил лично убедиться, что ты готова к продолжению, – ответил он, не сводя с меня глаз. – Деньги ведь уже на счету?

– Да... спасибо, – я выдавила это слово, чувствуя его вкус на языке.

Попыталась подцепить вилкой яичницу, но его взгляд парализовал. Каждый жест казался мне неуклюжим под этим надзором.

– У меня есть предложение, – Максим заговорил ровно, и от этой интонации по спине пробежал холодок.

– О чём вы?

– В моём бизнесе часто требуются встречи, где статус подчеркивается присутствием правильной женщины. Ты подходишь идеально.

– Я не понимаю, – горло сжалось. – Я не подписывалась на роль вашей тени. Нашу сделку нельзя... пролонгировать.

Он усмехается. Тяжёлый взгляд скользит по моим ключицам.

– Ошибаешься. Я остался доволен ночью. – Хищная ухмылка на мгновение исказила его лицо. – А за качество я привык доплачивать.

Я с силой оттолкнула поднос.

– Если вы думаете, что я стану вашей содержанкой за чеки, вы ошибаетесь!

– Ошибаюсь? – он откинулся в кресле, сцепив пальцы в замок. – Александра, ты сама определила свою роль, когда вышла на подиум «Бездны».

Я вскочила. Ноги дрожали, но я заставила себя стоять прямо.

– Я сделала это ради сестры! Чтобы спасти её, а не чтобы стать вашим аксессуаром!

В комнате повисла звенящая тишина. Его глаза опасно сузились. Максим медленно поднялся, нависая надо мной всей своей мощью.

– Благородная жертвенность... – он хмыкнул, сокращая расстояние до минимума. – Только ты забыла, девочка: за всё в этой жизни платят. И трёхсот тысяч тебе не хватит.

Я сглотнула. Отступить было некуда – спина упёрлась в холодную стену.

– Денег мало, – он наклонился к самому уху, обжигая кожу дыханием. – Алисе нужна не просто палата. Ей нужны врачи, которых нет в справочниках. Квоты, которые не купишь в кассе. Моё имя в её медкарте.

Я сжала кулаки до боли. Сердце колотилось в самом горле.

– И какова цена этого «имени»? – выдохнула я.

Максим коснулся моей челюсти, заставляя смотреть ему в глаза.

– Ты уже знаешь ответ. Ты сама предложила мне эту игру. Теперь я устанавливаю правила.

Глава 10 Максим

«Бездна» на рассвете – зрелище на любителя. Музыка стихла, оставив после себя лишь звон в ушах и застоявшийся запах чужого азарта. В холле пусто, только бармен у стойки гремит ящиками, возвращая заведение в рабочее состояние.

Поднимаюсь наверх. У двери в номер задерживаюсь, прислушиваясь. Тишина.

Я вхожу и замираю. Она спит, свернувшись в плотный кокон из одеяла, словно пытается исчезнуть в складках шелка. Хрупкая, бледная – на этой огромной кровати она кажется почти прозрачной. Но я не даю себе обмануться. Мой волк скалится: под этой оболочкой сидит настоящая волчица. Тихая, но с зубами.

Сажусь в кресло, не сводя с неё глаз. Привык, что женщины в моем мире – это предсказуемый товар. Они выются вокруг денег, как падальщики на запах крови: фальшивые улыбки, заученные стоны, жажда урвать кусок пожирнее. С ними скучно.

А эта... я ведь был уверен, что она сразу включит «жертву» или, наоборот, начнет выторговывать условия помягче. Но Александра удивила. Она не заискивает. Она сдается телом, потому что загнана в угол, но в глазах – холодный огонь. Это пробуждает во мне хищника похлеще любой охоты.

Я протягиваю руку и провожу пальцем по её щеке. Кожа нежная, атласная. Александра вздрагивает и резко открывает глаза. Вскрик обрывается на полувздыхе.

– Нет... – шепчет она, испуганно вжимаясь в подушки.

– Просыпайся, конфетка.

Смотрел на неё и чувствовал, как внутри ворочается зверь, сыто и опасно. Я не привык, чтобы мне отказывали, но ещё меньше я привык к тому, что какая-то девчонка пытается швырнуть мне в лицо мои же деньги, изображая из себя святую великомученицу.

Александра стояла передо мной, вцепившись в эту чёртову простыню, как в единственный щит, и в её глазах горел такой огонь, какой не купишь ни за какие миллионы. Дерзкая. Колючая. Совершенно беспомощная в своём упрямстве. Мой волк довольно скалился: ломать такую будет одно удовольствие.

– Вы думаете, если у вас хватило нулей на чеке, чтобы купить со мной ночь, то теперь вы владеете и моим телом?

Усмехнулся, смакуя каждое её слово. Наблюдал, как вздымается её грудь, как дрожат пальцы. Она несла чушь о достоинстве.

– Красивая речь, – сделал шаг вперёд, намеренно вторгаясь в её личное пространство. – На литфаке научили или в дешёвых романах вычитала?

Мне не нужна была послушная кукла – таких в «Бездне» пруд пруди. Мне нужна была именно она: сокрушительная в своём протесте, дикая, живая.

– Послушай меня внимательно, конфетка, – заговорил тихо. – Триста тысяч – это пыль. Этого не хватит даже на неделю в реанимации, куда я собираюсь отправить твою сестру. Так что побереги свой пафос для тех, кто готов его слушать.

Видел, как она вздрогнула. Удар пришёлся точно под дых.

– Я предлагаю тебе сделку, от которой не отказываются, если в голове есть хоть капля мозгов. Алиса получит клинику, где врачи творят чудеса по моему звонку. Оборудование, лекарства, лучший уход – всё, о чём ты даже мечтать не смела. Она будет дышать, Александра. А ценой этого будет лишь твоя тень рядом со мной.

Коснулся её шеи, ощущая под пальцами бешеный ритм её пульса.

– Тебе не нужно продавать душу – я уже купил твоё тело. Теперь я предлагаю тебе безопасность. Мир, где никто не посмеет даже дышать в твою сторону без моего разрешения.

Стань неприкасаемой. Одно твоё слово – и любые преграды исчезнут. Ты забудешь, что такое нужда, и наконец-то научишься жить, а не выживать.

Видел, как ломается её воля. Это было почти физическое зрелище: как гаснет огонь, уступая место тяжёлому, осознанию. Она была слишком умной, чтобы выбрать гордость ценой жизни ребёнка.

– А если я откажусь? – этот вопрос был последним, жалким рубежом её обороны.

– Тогда ты сама подпишешь ей приговор, – я не лгал. В этом городе надежда стоила дорого, а у неё не было ничего, кроме этого дрожащего «нет». – И когда её не станет, ты будешь знать, что променяла её жизнь на своё призрачное целомудрие. Как тебе такой расклад?

Тишина в номере стала осязаемой. Слышал, как рушится её мир, как пепел её надежд оседает на дорогой ковёр.

– Хорошо... – этот выдох был почти неслышным, надломленным. – Я согласна.

Притянул её к себе, вжимая в своё тело, и забрал её губы в жёстком, собственническом поцелуе. В этом жесте не было нежности – только клеймо. Я впечатывал в неё простую истину: теперь она принадлежит мне. Каждым вздохом, каждой мыслью.

– Привыкай, Александра, – прошептал я ей прямо в губы, наслаждаясь её дрожью. – Я всегда забираю то, за что заплатил.

Глава 11 Александра

Все мои возражения Максим перечеркнул одним поцелуем. Это не было актом нежности – скорее, техническая демонстрация силы, окончательная печать на контракте, который я подписала вслепую. Он целовал резко, требовательно, выбивая из легких остатки кислорода. Внутри всё смешалось в ядовитый коктейль: жгучее возмущение, бессильная злость на саму себя и... пугающий отклик тела. Мои рецепторы предательски зафиксировали: мне не просто не было противно. Мне нравилось. Этот жар, близость сильного мужчины и абсолютная доминанта пугали больше, чем сам аукцион.

– Одевайся. Мы едем, – Максим отстранился так же внезапно, как и напал.

Он опустился в кресло, развалившись в нём с ленивой грацией сытого хищника. Наблюдал, как я судорожно пытаюсь привести мысли в порядок, не сводя с меня своего янтарного, пронизывающего взгляда.

– Я снял тебе квартиру, – буднично произнес он, будто речь шла о покупке новой кофемашины. – Маленькая студия, но в самом центре. Там, где ты будешь мне нужна под рукой.

– Я не поеду, – закусил губу, собирая в кулак остатки разбитой смелости. – У меня есть свой дом. Мама, Алиса... Я не могу просто исчезнуть.

Максим усмехнулся, даже не удосужившись взглянуть в мою сторону. Он поправил манжеты своей безупречной рубашки.

– Александра, мне неинтересно, где ты привыкла ночевать. За МКАД ты можешь ездить в свои выходные, если я их тебе дам. Но с этого момента у тебя нет роскоши выбирать локацию. Ты нужна мне за тридцать минут до любой встречи. Поняла? Поэтому – центр. В десяти минутах от моего офиса.

– Но я не игрушка! – выкрикнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы бессилия.

– Одевайся, – перебил он, и в его низком голосе лязгнула сталь, мгновенно остудив мой пыл. – Мы едем. И это не обсуждается.

Шикарный черный джип встретил меня специфическим запахом дорогой кожи, чистоты и тяжелого мужского парфюма. В салоне царил полумрак. Личный водитель впереди напоминал робота: ни единого лишнего движения, взгляд только на дорогу. Максим сидел рядом, погруженный в свой смартфон, и я буквально кожей чувствовала исходящую от него мощь.

Дрожащими пальцами ввела в поиске его имя. Экран выдал сухую справку: Максим Астахов. Связи, влияние, империя. То, на что другим нужны десятилетия, для него решалось одним звонком. Украдкой посмотрела на его профиль: идеальная линия челюсти, легкая щетина, холодная уверенность в каждом жесте. Он знал исход любой ситуации еще до того, как она начиналась.

Жилой комплекс, в который мы приехали, больше напоминал современную крепость. Высокие арки, зеркальные панорамные двери, камеры на каждом углу. Здесь невозможно было остаться незамеченной – каждый твой вдох фиксировался системой безопасности.

Лифт поднялся на восемнадцатый этаж почти бесшумно. Когда Максим открыл дверь, я замерла на пороге. Студия была безупречна: панорамное окно с видом на задыхающуюся в пробках Москву, лаконичная мебель, встроенная кухня. Всё выверенно, аккуратно и... стерильно. Здесь было всё для комфортной жизни, но не было ничего, что сделало бы это место моим.

– Располагайся, обживайся, – бросил на стол черную пластиковую карту. – Лимит неограничен. Продукты закажешь через консьержа. К часу придет стилист.

– Зачем? – вырвалось у меня.

Максим сократил расстояние между нами в один широкий шаг. Его пальцы подхватили мой подбородок, заставляя смотреть прямо в эти пугающие глаза.

– Александра, не разочаровывай меня. Ты умная девочка. Женщина рядом со мной должна выглядеть так, чтобы у моих врагов перехватывало дыхание. Отдыхай. Я наберу позже.

Оставшись одна, подошла к окну. Москва внизу жила своей суетливой жизнью. А в моей голове пульсировала только одна мысль: мне нужно на работу. Кофейня была моим последним якорем, единственным местом, где я всё ещё оставалась Сашей, а не «лотом номер три».

Плевать на стилиста. Плевать на его запреты. Мне нужно было почувствовать запах зерен и услышать шум кофемашины, чтобы не сойти с ума.

В кафе я ворвалась за десять минут до начала смены. Быстро натянула фартук, спрятала волосы в пучок.

К полудню кофейню заполнил гул голосов. Я работала на автомате: насыпать, взбить, улыбнуться, отдать чек. Это был ритм, который я знала наизусть. До тех пор, пока за моей спиной не раздался голос, от которого всё внутри заледенело:

– Мне, пожалуйста, ореховый раф.

Я замерла. Пальцы зависли над кассовым аппаратом. Сердце пропустило удар, а затем забилось так сильно, что стало больно дышать. Мозг лихорадочно выстраивал защиту: это просто совпадение, галлюцинация от недосыпа, в Москве тысячи похожих голосов...

Медленно подняла глаза. Прямо напротив кассы стоял Максим Астахов. Без пиджака, в одной рубашке с расстегнутым воротом, он выглядел в этом уютном интерьере как хищник, случайно зашедший в вольер к кроликам. Клиенты в очереди инстинктивно расступились, создавая вокруг него вакуум.

– Я оставил тебя не здесь, Александра, – произнес он так тихо, что звук его голоса вибрировал прямо у меня в черепе.

В этот миг всё вокруг выключилось. Исчез запах выпечки, звон чашек и веселое ворчание Артёма за соседней стойкой. Остался только он. И ледяное понимание: моя «свобода» была иллюзией. Клетка всегда была там, где находился Максим.

Глава 12 Максим

Я не удивился её побегу. Упрямство в Александре – как дыхание: естественное и неукротимое. Она делает вдох и рушит порядок, который я выстраивал годами. Я дал ей шанс проявить благоразумие, остаться в квартире и дожидаться стилиста. Но нет. Не наш вариант.

Телефон завибрировал в кармане – отчет службы безопасности. «Объект покинул здание в 8:47. Направление – кофейня».

Пальцы сжали руль. Первая мысль – развернуться и силой заставить её подчиниться. Но я сдержался. Девять утра, а день уже пошел наперекосяк. В офисе распоряжения отдавались механически: встречи перенести, контракты подготовить, отчеты подписать. Секретарь что-то лепетала о графике, но я не вслушивался. Внутри натянулась струна. К черту офис.

Доехал до кофейни за двадцать минут. Место заурядное: стекло, свет, фальшивый уют. Я остановился у двери, наблюдая за ней через витрину. Она стояла у кассы, сосредоточенная, пальцы бегло двигались по экрану. Милая иллюзия контроля над собственной жизнью. Она еще не чувствовала моего взгляда, но хищник внутри меня уже поднял голову.

Я вошел. Гул голосов и звон посуды мгновенно стали фоном. Подошел к стойке, делая заказ лениво, почти небрежно. Она ответила дежурно, глядя мимо, пока не узнала голос. Когда наши взгляды встретились, её мир рухнул. Пальцы замерли, дыхание сбилось. В серых глазах – смесь узнавания и запоздалого страха.

Я дал ей секунду осознать масштаб ошибки. Её бледность вызвала у меня темное, спокойное удовлетворение.

– Я оставил тебя не здесь, Александра, – произнес я негромко.

Этого хватило, чтобы кофейня превратилась в театральную декорацию. Пока мой помощник решал вопрос с владельцем сети по телефону, я наблюдал, как она пытается сохранить лицо.

– Вам большой или стандартный? – спросила она шепотом, цепляясь за остатки привычного ритма.

– Стандартный, – ответил я, не отводя глаз.

Смотрел, как она готовит кофе. Выверенно, нарочито спокойно. Ни одной лишней детали. Она протягивает стакан, и между нами искрило напряжение, физически ощутимое, как разряд тока.

– Мы поговорим.

Александра медлила, вытирая руки о фартук, но всё же вышла из-за стойки. Мы сели в дальнем углу. Она старалась держаться, но пальцы, терзающие край фартука, выдавали её с потрохами.

– Что во фразе «быть в квартире» тебе оказалось непонятно? – спросил я, отпивая терпкий, чуть горчащий напиток.

– У меня есть работа. Я не могла не прийти, – она смотрела в стол, пряча глаза.

Меня злило это бегство. Я хотел видеть её реакцию, её поражение. – Посмотри на меня.

Я едва коснулся её ладони, и этого легкого контакта хватило, чтобы она вздрогнула и подняла взгляд. – Почему ты промолчала об этом в машине?

– У меня вообще есть выбор? – в её голосе внезапно вспыхнула злость, почти насмешливая. Она вскинула бровь, бросая мне вызов.

– Чем дольше ты сопротивляешься, тем меньше вариантов у тебя остается, Александра.

– Я работаю, – едко усмехнулась она. – Или это теперь тоже нужно согласовывать с хозяином?

Я поднялся, сокращая расстояние до минимума. Наклонился к самому её уху, ощущая аромат кофе и её кожи. Кончиками пальцев касаюсь её макушки – жест спокойный, собственный, не терпящий возражений.

– Запомни: это последний раз, когда ты пытаешься быть умнее меня. В следующий раз тебе не понравится.

Её упрямство сломалось мгновенно. Я почувствовал, как она сдала позицию: плечи опустились, дыхание выровнялось, взгляд упал. Теперь это была покорность, которой я добивался.

Я отступил на шаг, допивая остывший кофе. – Вот и умница, – бросил на ходу и вышел из кафе.

Телефон уже был в руке. Набрал Кирилла, когда садился в машину. – Кирилл, «Кофе Фикс» – твоя сеть? – спросил я без предисловий. – Моя, – ответил он спокойно. – Что-то случилось? – Нужно увидеться. Сейчас. В «Орионе».

Ресторан находился в десяти минутах от офиса. Это была нейтральная территория, где столы расставлены так, чтобы случайный слушатель не уловил ни слова. Кирилл уже был на месте – безупречный, как всегда. Выглаженная рубашка, тяжелые запонки, стакан воды с лимоном. Он был воплощением дисциплины, за что я его и ценил.

Я сел напротив. Кирилл, не поднимаясь, коротко кивнул. – Чем обязан такой срочности, Максим? У меня через сорок минут совет директоров.

– В одном из твоих кафе работает моя девочка, – сказал я прямо, наблюдая за его реакцией.

Кирилл прищурился, в его взгляде промелькнул профессиональный интерес. – Твоя девочка? – он медленно отставил стакан. – Звучит серьезно. Обычно ты не занимаешься кадровыми вопросами общепита. Проблемы по работе?

– Никаких проблем. Но мне нужно, чтобы завтра она работала в другом месте. Филиал в моем бизнес-центре, в «Башне А».

Кирилл усмехнулся краем губ. Он сразу понял подоплеку. – Поближе к офису? Решил посадить на короткий поводок? – Далековато ездит, – ответил я, игнорируя его иронию. – Хочу контролировать её график лично.

– Понял, – Кирилл достал смартфон и быстро вбил данные, которые я продиктовал: имя, адрес старого филиала. – Завтра в девять утра её будут ждать на новом месте. Я распоряжусь, чтобы её поставили на утренние смены.

– Быстро, – отметил я.

– Ты ведь не любишь ждать, – он убрал телефон. – А я не люблю, когда мои друзья тратят время на ерунду. К тому же, если она твоя – я не хочу, чтобы у неё возникали лишние соблазны в других районах.

Он откинулся на спинку стула и сцепил пальцы в замок. Тон разговора мгновенно сменился на официально-деловой. – Ладно, раз уж мы здесь. По совещанию: «Мейвен Групп» прислали финальные цифры. Они требуют наши гарантии до конца недели. Пятьдесят миллионов евро обеспечения.

– Вернусь к этому позже. Сегодня не до того, – я чувствовал, как мысли всё еще возвращаются к Александре.

– Макс, – Кирилл посмотрел на меня с необычной серьезностью. – Это крупнейшая сделка квартала. Если мы не подпишем в пятницу, они уйдут к конкурентам. Твое личное... увлечение не должно стоять нам контракта.

– Не учи меня вести дела, Кирилл, – мой голос стал холодным. – Я разберусь. Власова можешь подключить для подготовки бумаг, но финальное решение за мной.

Кирилл пару секунд изучал мое лицо, проверяя границы моего терпения. Затем кивнул, принимая ответ. Он встал, поправляя манжеты. – Хорошо. Бумаги будут у тебя на столе к

шести вечера. Не забудь прочитать. А по поводу твоей омеги – не пережми. Упрямые ломаются раз и навсегда.

– Я знаю, что делаю, – бросил я.

Кирилл ушел, не оглядываясь. Я остался один, глядя на пустой стакан. Александра думала, что работа – её крепость. Но теперь эта крепость стала частью моей империи. Завтра она поймет, что мир сузился до размеров моего бизнес-центра. И в этом мире для неё осталось только одно солнце. И это солнце – я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.